

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 267–276.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 3 (110). P. 267–276.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.11.85.023

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ

Табакон Сергей Анатольевич

Омская академия МВД России, Российская Федерация, г. Омск, tabakovsa@rambler.ru

Введение. Статья посвящена исследованию проблем, касающихся формирования оснований для применения уголовно-процессуальных мер безопасности. В УПК РФ законодатель предусмотрел широкий круг средств защиты от посткриминального воздействия. Однако правовое регулирование имеет недостатки в нормативном описании оснований для реализации уголовно-процессуальных мер безопасности. Наряду с этим такие меры ограничивают конституционные права участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Особенно если речь идет о средствах защиты от посткриминального воздействия, связанных с сокрытием сведений о лице. В этой связи рассмотрены пределы установления следователем оснований для реализации меры безопасности, определен характер сведений, необходимых для обоснованного использования такой меры.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляющий положения, касающиеся оснований, порядка применения уголовно-процессуальных мер безопасности. Выводы, сделанные в процессе исследования, являются результатом использования различных научных методов, таких как анализ и синтез, а также системного и сравнительного методов.

Результаты исследования. Автором сформулированы предложения, направленные на формирование оснований для применения уголовно-процессуальных мер безопасности. Особый акцент сделан на защиту от посткриминального воздействия путем сокрытия сведений о лице, участвующем в уголовном судопроизводстве. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные выводы могут использоваться для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальных мер безопасности.

Выводы и заключения. В процессе исследования автор приходит к выводу, что законодатель предусматривает широкий перечень уголовно-процессуальных мер безопасности. Количество этих мер не ограничивается ч. 3 ст. 11 УПК РФ как основной нормой закона, регулирующей порядок их применения. Все средства защиты от посткриминального воздействия в разной степени ограничивают конституционные права участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. В этой связи гарантией законности реализации таких средств выступает надлежащее установление следователем оснований для их использования. Процедура установления оснований представляет особую сложность в связи с наличием в УПК РФ различных подходов в нормативном описании оснований применения конкретных мер безопасности. Существенное ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства со стороны защиты имеет место в ходе реализации мер безопасности, связанных с сокрытием данных о лице, оказывающем содействие правосудию. Учитывая данное обстоятельство, следователю необходимо устанавливать доказательства, указывающие на возможное посткриминальное воздействие, доказательства, свидетельствующие об эффективности меры безопасности, связанной с сокрытием личности, а также факт наличия в уголовном деле доказательств, подтверждающих показания, данные защищаемым лицом.

Ключевые слова: защита, меры безопасности, посткриминальное воздействие, основания, следователь

Для цитирования: Табаков С. А. Деятельность следователя по установлению оснований для применения уголовно-процессуальных мер безопасности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 267–276.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.11.85.023

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR TO ESTABLISH THE SECURITY MEASURES BASED FOR THE APPLICATION OF CRIMINAL PROCEDURE

Sergey A. Tabakov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
tabakovsa@rambler.ru

Introduction. The article is devoted to the study of problems concerning the formation of grounds for the application of criminal procedural security measures. In the CPC RF the legislator has provided a wide range of means of protection from post-criminal impact. However, the legal regulation has shortcomings in the normative description of the grounds for the implementation of criminal procedural security measures. Along with this, such measures limit the constitutional rights of participants of criminal proceedings on the part of the defence. Especially when it comes to means of defence against post-criminal influence related to concealment of information about a person. In this regard, the limits of the establishment by the investigator of the grounds for the implementation of security measures are considered, the nature of information necessary for the justified use of such a measure is determined.

Materials and Methods. The normative basis of the study is formed by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which enshrines the provisions concerning the grounds, the order of application of criminal procedural security measures. The conclusions drawn in the process of research are the result of the use of various scientific methods, such as analysis and synthesis, as well as systemic and comparative methods.

The Result of the Study. The author formulated proposals aimed at the formation of grounds for the application of criminal procedural security measures. Particular emphasis is placed on protection from post-criminal influence by concealing information about a person involved in criminal proceedings. The practical significance of the study is that the obtained conclusions can be used for further improvement of criminal procedural security measures.

Findings and Conclusions. In the process of research, the author concludes that the legislator provides a wide list of criminal procedural security measures. The number of these measures is not limited by part 3 of article 11 of the CPC RF as the main norm of the law regulating the procedure for their application. All means of protection from post-criminal influence to varying degrees limit the constitutional rights of participants in criminal proceedings on the part of the defence. In this regard, the guarantee of the legality of the implementation of such remedies is the proper establishment by the investigator of the grounds for their use. The procedure for establishing the grounds is particularly difficult due to the presence in the CPC of the RF of different approaches in the normative description of the grounds for the application of specific security measures. A significant restriction of the constitutional rights of participants of criminal proceedings by the defence takes place in the course of implementation of security measures related to concealment of data about the person assisting justice. Taking into account this circumstance, the investigator needs to establish the evidence indicating the possible post-criminal impact, evidence indicating the effectiveness of the security measure related to the concealment of identity, as well as the fact that there is evidence in the criminal case that confirms the testimony given by the protected person.

Keywords: protection, security measures, post-criminal impact, grounds, investigator

For citation: Tabakov S.A. O deyatel'nost' sledovatelya po ustanovleniyu osnovanij dlya primeneniya ugovovno-processual'nyh mer bezopasnosti [Activities of the investigator to establish the security measures based for the application of criminal procedure]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2024, no.3 (110), pp. 267–276.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.11.85.023

В содержании УПК РФ¹ имеется ряд положений, направленных на физическую и материальную защиту лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, от посткриминального воздействия, возникающего в связи с участием их в расследовании и рассмотрении уголовного дела в суде. В качестве нормативной основы таких положений выступает ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Учитывая, что данные меры находят свое закрепление в нормах УПК РФ, они имеют уголовно-процессуальный характер.

Следует учитывать, что уголовно-процессуальные средства защиты личности от посткриминального воздействия занимают особое место в правовом регулировании производства по уголовному делу. Это проявляется в нескольких моментах. Во-первых, меры безопасности не направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Они служат интересам доказывания, но делают это опосредованно, создавая

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.03.2024).

лишь условия для получения достоверных сведений. Кроме того, меры защиты от посткриминального воздействия, несмотря на относительную обособленность в структуре УПК РФ, выступают в качестве элемента производства отдельных процессуальных действий.

Специфика уголовно-процессуальных мер безопасности проявляется также в том, что они могут реализовываться наряду с мерами государственной защиты, предусмотренными Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹.

Нормы УПК РФ, закрепляющие порядок реализации мер безопасности, выступают существенной гарантией для оперативного реагирования на возникающие угрозы посткриминального воздействия. Нередко следователь первым получает сведения, указывающие на возможное посткриминальное воздействие.

По сравнению с оперативно-розыскной деятельностью предварительное расследование имеет относительно открытый характер. Некоторые материалы уголовного дела в силу требований закона могут оцениваться иными лицами. Такая доступность сопряжена с возможным возникновением у них умысла на осуществление противозаконного воздействия в отношении носителя доказательственной информации. Поэтому уже с самого начала уголовного судопроизводства может возникнуть потребность в защите от посткриминального воздействия. С этих позиций закрепление мер безопасности в УПК РФ является целесообразным.

Часть 3 ст. 11 УПК РФ предусматривает определенный перечень мер безопасности, которые могут применяться в ходе досудебного и судебного производства. К ним относятся: сокрытие данных о личности участника следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); производство контроля и записи переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ); предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); проведение закрытого судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ); производство допроса в суде в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Необходимо согласиться с имеющимися в юридической литературе позициями, что указанный перечень мер безопасности является открытым [1, с. 38]. На это указывает и сама формулировка ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которая содержит следующий оборот «... а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации». На первый взгляд может показаться, что речь идет о мерах, не предусмотренных УПК РФ. Однако анализ отдельных норм УПК РФ свидетельствует, что перечень мер безопасности выходит за пределы ст. 11 УПК РФ. Так, в ч. 1 ст. 97 УПК РФ указывается на возможность избрания меры пресечения при наличии оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый «может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу». Необходимость рассмотрения меры пресечения в качестве меры безопасности обосновывалась в диссертационных исследованиях и иных научных трудах [2, с. 69–70]. В частности, Д. А. Воронов предлагал включить меры пресечения в перечень мер, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ [3, с. 9].

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федер. закон № 119-ФЗ : принят Гос. Думой 31 июля 2004 года : одобрен Советом Федерации 8 августа 2004 года : послед. ред. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102088392> (дата обращения: 01.03.2024).

Развивая идею широкого применения видео-конференц-связи в ходе осуществления судебного разбирательства, законодатель в 2022 году включил в УПК РФ статью 241.1, предусматривающую в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства участие в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видео-конференц-связи.

Указанные выше обстоятельства показывают отсутствие какой-либо четкой системности и взаимосвязанности между положениями УПК РФ, регулируемыми вопросы применения уголовно-процессуальных мер безопасности. Полагаем, что в ч. 3 ст. 11 УПК РФ законодательно можно было либо отказаться от перечисления конкретных мер безопасности, либо закрепить их полный перечень, внося соответствующие изменения в указанные нормы при корректировке других положений УПК РФ, предусматривающих средства защиты от посткриминального воздействия.

Определенные противоречия имеет и регулирование мер безопасности, непосредственно закрепленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. В первую очередь они касаются формулирования оснований для реализации уголовно-процессуальных мер защиты участников уголовного судопроизводства. Так, ч. 3 ст. 11 УПК РФ закрепляет, что меры безопасности применяются «при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями». Часть 9 ст. 166 УПК РФ использует формулировку «при необходимости обеспечить безопасность», часть 2 ст. 186 УПК РФ – «при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий...», пункт 4 части 2 ст. 241 УПК РФ – «когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства...», часть 5 ст. 278 УПК РФ – «при необходимости обеспечения безопасности свидетеля...». Указанные формулировки правового регулирования предоставляют широкое поле для усмотрения со стороны правоприменителя.

Анализ мер безопасности, предложенных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, а также в иных нормах уголовно-процессуального закона, позволяет разделить все средства защиты от посткриминального воздействия, которые могут применяться в досудебном производстве, на три основные группы:

1) Средства защиты от посткриминального воздействия, связанные с сокрытием сведений о лице, оказывающем содействие правосудию. Такие меры являются составляющей производства следственных действий (например, сокрытие сведений о лице в ходе производства допроса, предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего).

2) Средства, направленные на получение сведений о лицах, оказывающих посткриминальное воздействие (контроль и запись переговоров).

3) Средства, ограничивающие свободу источника посткриминального воздействия (меры пресечения).

Все перечисленные средства защиты от посткриминального воздействия связаны с ограничением определенных конституционных прав граждан. В частности, принимая решение о контроле и записи переговоров, правоприменитель ограничивает право на тайну телефонных переговоров, применение мер пресечения сопряжено с неприкосновенностью личности, ограничивается право на передвижение. Вместе с тем контроль и запись переговоров касается лишь одного факта, связанного с расследованием уголовного дела, установление которого может не повлиять на судьбу уголовного дела в целом. Даже признание в качестве недопустимого доказательства сведений, полученных в результате

производства этого следственного действия, не отразится существенным образом на обоснованности основных и промежуточных решений, имеющих место в уголовном судопроизводстве.

Применение мер пресечения направлено на предотвращение противоправного поведения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Целям доказывания меры пресечения служат косвенно. Они лишь создают условия для формирования доказательственной базы. Кроме того, ряд мер пресечения, существенно ограничивающих конституционные права граждан, становятся предметом оценки не только следователя, но и суда. Пределы оценки обоснованности меры пресечения при этом выходят за пределы установления лишь факта угрозы. Ко всему обозначенному следует добавить, что законность меры пресечения может быть проверена в ходе судебного разбирательства с участием сторон. Указанные обстоятельства усиливают гарантии того, что мера пресечения, реализуемая в целях защиты от посткриминального воздействия, применена в рамках закона и является целесообразной относительно отдельно взятой ситуации, складывающейся в ходе расследования уголовного дела.

Совершенно иной характер в части ограничения конституционных прав граждан имеют меры безопасности, направленные на сокрытие сведений о лице, оказывающем содействие правосудию. В отличие от указанных выше средств защиты от посткриминального воздействия, в данном случае правоприменитель имеет дело с доказательством. Построение отечественного процесса доказывания предполагает, что формирование доказательства начинается в его досудебной части. В ходе расследования следователь соединяет воедино два необходимых компонента, создающих доказательство. Одним из них является форма, другим – содержание. Такая позиция вытекает из ст. 74 УПК РФ. Сведения, идентифицирующие свидетеля или потерпевшего, содержащиеся в протоколе допроса, выступают одним из элементов формы такого доказательства как показания. Вместе с тем данные о лице, давшем показания, в совокупности с содержанием доказательства имеют весомое значение для оценки достоверности сведений, сообщенных этим лицом.

Кульминационным этапом в части проверки и оценки сведений по всем параметрам, которые присущи доказательству, выступает судебное разбирательство. Идеальный вариант обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства имеет место в той ситуации, когда сокрытие идентифицирующих сведений сохраняется при рассмотрении уголовного дела в суде. Порядок деятельности судьи в этом случае определяется ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Общий смысл заключается в том, что свидетель является на судебное заседание, однако его допрос осуществляется в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. Подлинные данные о личности свидетеля сторонам также не раскрываются. Такой порядок отчасти влияет на непосредственность и устность судебного разбирательства как его общего условия, закрепленного в ст. 240 УПК РФ. В одном из своих учебных произведений В. К. Случевский отмечал, что «благодаря устному допросу оказывается возможным извлечь суду из показаний свидетеля все то, что в состоянии только дать свидетель, выяснить значение обнаружившейся неясности или противоречия в его показаниях, а также определить, насколько личность его заслуживает доверия» [4, с. 55]. Судебная практика свидетельствует, что даже через восприятие внешнего облика лица, дающего показания, можно сделать определенный вывод о достоверности сообщаемых им сведений.

Фактически у суда имеется возможность оценить показания такого свидетеля, сформировать внутреннее убеждение о достоверности сообщенных им сведений. Однако

существенной гарантией в части возможности включения такого доказательства в основу вынесенного итогового судебного решения выступает доступность оценки источника доказательства не только судом и стороной обвинения, но и стороной защиты. Как правильно отмечается в юридической литературе, «участники со стороны обвинения и защиты непосредственно должны участвовать в исследовании всех доказательств и только на них могут ссылаться в прениях» [5, с. 86]. Предоставляя возможность исследования доказательств обвиняемым, законодатель гарантирует ему право на защиту, рассмотрение дела в условиях состязательности и равноправия сторон. Право лица знать о том, кем он обвиняется, вытекает из положений ст. 47 УПК РФ [6, с. 87]. Такие права имеют конституционный характер, обладают ключевым значением при отправлении правосудия. Указанные обстоятельства наводят некоторых ученых на мысль о необходимости перевода мер безопасности в виде засекречивания личности свидетеля и потерпевшего в разряд исключительных [7, с. 130].

Право обвиняемого на допрос показывающего против него свидетеля в современных условиях поставлено на высокий уровень. Об этом свидетельствуют положения закона и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Так, в ч. 2.1. ст. 281 УПК РФ обозначено, что «...решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами». Способ оспаривания доказательства был предложен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре». Высший судебный орган предложил правоприменителю предоставить возможность лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, задать вопросы показывающему против него свидетелю или потерпевшему в ходе проведения очной ставки, имеющей место в процессе предварительного расследования.

Таким образом, существует определенная конкуренция положений закона, предоставляющих право на защиту лица от посткриминального воздействия путем сокрытия сведений о нем, и правом обвиняемого ознакомиться с источником доказательственной информации. При этом необходимо заметить, что конкурирующие положения несут единую благую цель – обеспечение достоверности сведений, сообщенных участниками уголовного судопроизводства.

Высокое доказательственное значение правильного применения положений закона, касающихся доступа к сведениям о лице, в отношении которого существуют угрозы посткриминального воздействия, выводит на особый уровень среди иных уголовно-процессуальных мер безопасности вопрос об обоснованности решения о сокрытии данных, идентифицирующих свидетеля или потерпевшего в порядке, предусмотренным ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Использование указанной нормы влечет за собой применение особого порядка в части получения и закрепления показаний. Следует согласиться с имеющимся мнением, что «форма получения доказательств преследует цели обеспечения их достоверности, а также защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [8, с. 97]. Отсюда отступление от общепризнанного порядка получения показаний ставит вопрос об их достоверности и проверяемости. Нарушения порядка применения положений закона, связанных с сокрытием данных о лице, могут «сигнализировать о недостоверности сведений, содержащихся в них» [9, с. 389].

Как ранее отмечалось, основания для применения уголовно-процессуальных мер безопасности изначально находят свое закрепление в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Их нормативная

формулировка предполагает, что соответствующие должностные лица могут применить средства защиты от посткриминального воздействия при наличии достаточных данных о том, что лицам угрожают определенными противоправными действиями, перечисленными в указанной норме закона. Содержащаяся в ч. 3 ст. 11 УПК РФ дефиниция «угрожают» вызвала определенную дискуссию на страницах юридической литературы. В частности, Л. В. Брусницын предлагает расширительно толковать ч. 3 ст. 11 УПК РФ и применять меры безопасности «при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства и их близким не только угрожают, но и могут угрожать убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества...» [10, с. 14]. Полагаем, что подходы в толковании ч. 3 ст. 11 УПК РФ не имеют весомого значения для исполнения меры безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Ключевое значение здесь занимает обоснованность решения о реализации указанного средства защиты от посткриминального воздействия. Характер и пределы установления сведений, вкладываемых в необходимость сокрытия данных о лице, являются наиболее сложной составляющей в формировании оснований для применения рассматриваемой меры безопасности.

Часть 3 ст. 11 УПК РФ указывает на достаточность данных. Следует согласиться с существующим мнением, что в число данных могут входить не только доказательства, но и результаты оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем полагаем, что применение меры безопасности, закрепленной в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, допустимо только при наличии доказательств. В подтверждение этой позиции можно привести два аргумента. Во-первых, доказательства проверяемы процессуальным путем, степень их достоверности, по сравнению с результатами оперативно-розыскной деятельности, высока. Во-вторых, судебное производство по уголовному делу допускает в случае заявления стороной ходатайства о предоставлении ей возможности ознакомиться с указанными сведениями. Следует особо подчеркнуть, что это является правом судьи. Отказывая в удовлетворении ходатайства об ознакомлении с такими сведениями, суд должен иметь возможность сослаться на какие-либо сведения, имеющиеся в материалах уголовного дела, достоверно подтверждающие обоснованность применения меры безопасности, связанной с сокрытием данных о лице. Наличие в уголовном деле материалов оперативно-розыскной деятельности, имеющих негласный характер, содержащих сведения о возможном посткриминальном воздействии, вряд ли послужит убедительным аргументом, положенным судом в обоснование отказа в удовлетворении ходатайства об ознакомлении со сведениями о лице.

Применяя уголовно-процессуальные меры безопасности, следователь должен создать такую доказательственную базу, которая сможет сформировать у судьи непоколебимое мнение о наличии оснований для ее реализации.

Пределы установления оснований для применения меры безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ, должны охватывать также доказательства, свидетельствующие, что данная мера будет иметь эффективный характер. Например, в практике следственных подразделений, занимающихся расследованием преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, имеются случаи применения ч. 9 ст. 166 УПК РФ в отношении субъектов, обладающих сведениями о фактах противоправной деятельности определенного лица. Как правило, такие защищаемые лица принимают участие в оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на установление фактов незаконного оборота наркотических средств. Проведенным расследованием формируются доказательства, в своей совокупности свидетельствующие, что активное участие в изобличении лица, совершившего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, осуществлялось со стороны защищаемого свидетеля. Указанный

факт может вытекать даже из содержания самих показаний, данных таким свидетелем. В этой ситуации применение меры безопасности, связанной с сокрытием данных лица, не является эффективным. Для его защиты следует запускать правовой механизм, предусмотренный Федеральным законом № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Можно выделить еще одну гарантию, обосновывающую применение меры безопасности, связанной с сокрытием данных о лице. Она связана с необходимостью установления следователем того, что показания, данные защищаемым лицом, подтверждаются другими имеющимися в материалах уголовного дела доказательствами. Полагаем, что для убедительности судьи, который будет рассматривать дело по существу, анализ таких доказательств может быть приведен в обвинительном заключении.

Таким образом, гарантией обоснованности применения меры безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ, выступает наличие в уголовном деле доказательств, указывающих на возможное посткриминальное воздействие, доказательств, свидетельствующих об эффективности применения меры безопасности, а также доказательств, подтверждающих показания, данные защищаемым лицом. Особый подход к деятельности следователя по установлению оснований для реализации мер безопасности, предусмотренных ч. 9 ст. 166 УПК РФ, обусловлен защитой интересов не только лиц, содействующих правосудию, но и субъектов, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцев, О. А. К вопросу о применении уголовно-процессуальных мер безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 37–38.
2. Епихин, А. Ю. Общие условия эффективности функционирования безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2003. № 4. С. 69–70.
3. Воронов, Д. А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2008. 22 с.
4. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Спб., 1919. 684 с.
5. Кайгородов, А. А. Непосредственность и устность судебного разбирательства // Российское правосудие. 2010. № 8 (52). С. 84–88.
6. Сержантова, Л. А., Свечникова, Е. И. Особенности сохранения данных о личности на стадии возбуждения уголовного дела // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6 (2). С. 86–89.
7. Устинов, Д. С. Особенности обеспечения права обвиняемого на защиту при реализации мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 126–133.
8. Шаповалова, Т. И., Бондар, Е. В. Соотношение достоверности и допустимости доказательств в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 6. С. 97–101.
9. Капустина, Л. К. Соотношение допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 3. С. 386–390.
10. Брусницын, Л. В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства : науч.-практ. пособие. М., 2013. 152 с.

REFERENCES

1. Zajcev O.A. K voprosu o primenenii ugolovno-processual'ny`x mer bezopasnosti [On the issue of applying criminal procedural security measures]. Vestnik Moskovskogo universiteta

MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012, no. 2, pp. 37-38.

2. Epixin A.Yu. Obshhie usloviya e`ffektivnosti funkcionirovaniya bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve [General conditions for the effectiveness of the functioning of personal security in criminal proceedings]. Ugolovnoe parvo – Criminal law. 2003, no. 4, pp. 68-70.

3. Voronov D.A. Mery` ugovno-processual`nogo prinuzhdeniya kak sredstva obespecheniya bezopasnosti uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva avtoref... kand. jurid. nauk [Measures of criminal procedural coercion as a means of ensuring the safety of participants in criminal proceedings abstract of... Ph.D. legal Sci.]. Omsk, 2008, 22 p.

4. Sluchevskij V. Uchebnik russkogo ugovnogo processa. [Textbook of Russian criminal procedure]. St. Petersburg, 1919, 684 p.

5. Kajgorodov A.A. Neposredstvennost` i ustnost` sudebnogo razbiratel`stva [Immediacy and orality of judicial proceedings]. Rossijskoe pravosudie – Russian justice. 2010, no. 8 (52), pp. 84-88.

6. Serzhantova L.A., Svechnikova E.I. Osobennosti soxraneniya danny`x o lichnosti na stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela [Features of preserving personal data at the stage of initiating a criminal case]. Yuridicheskij Vestnik Samarskogo universiteta – Legal Vestnik of Samara University. 2020, no. 6 (2), pp. 86-89.

7. Ustinov D.S. Osobennosti obespecheniya prava obvinyaemogo na zashhitu pri realizacii mer bezopasnosti v otnoshenii uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva [Features of ensuring the right of the accused to defense when implementing security measures in relation to participants in criminal proceedings]. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Vestnik of the Saratov State Legal Academy. 2022, no. 4 (147), pp. 126-133.

8. Shapovalova T., Bondar E. Sootnoshenie dostovernosti i dopustimosti dokazatel`stv v ugovnom processe [The relationship between the reliability and admissibility of evidence in criminal proceedings]. Ugolovnoe pravo – Criminal law. 2007, no. 6, pp. 97-101.

9. Kapustina L.K. Sootnoshenie dopustimosti i dostovernosti dokazatel`stv v ugovnom sudoproizvodstve [The relationship between the admissibility and reliability of evidence in criminal proceedings]. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 3, pp. 386-390.

10. Brusnicyn L.V. Primenenie norm UPK RF, obespechivayushhix bezopasnost` uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva [Application of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, ensuring the safety of participants in criminal proceedings]. Moscow, 2013, 152 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Табакон Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, ул. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tabakov Sergey Anatolyevich, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Omsk, Komarova str., 7.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 18.09.2024.